

УДК 17+32+8

**Леонид Гершевич Фишман**

доктор политических наук,  
ведущий научный сотрудник отдела философии  
Института философии и права УрО РАН,  
г. Екатеринбург. E-mail: lfishman@yandex.ru

### **СОН ЗОЛОТОЙ И СОН ЖЕЛЕЗНЫЙ: ПОЛИТИКА И ЭТИКА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ УТОПИЯХ<sup>1</sup>**

В статье рассмотрено несколько отечественных литературных утопий, которые характеризуются преимущественно как утопии воспитания. Анализируется их политико-этическая подоплека, выделены разновидности. Показано, что в основе утопий воспитания находится мощный импульс отвращения от политики и общества потребления в пользу предоставления человеку действительно более широких возможностей в его подлинно человеческой жизни. Вместе с тем показана морально-этическая уязвимость ряда утопий воспитания. Она обусловлена попытками приложить критерии этики античной гражданской общины или героической этики к современным обществам. Несмотря на известный универсализм героической этики этот универсализм весьма ограничен. На идеологическом уровне это приводит авторов, в частности, к невозможности четко отделить свои утопии, например, от фашизма. Сделан вывод, что утопии воспитания, утопии «здорового общества» появились в «нулевые» годы потому, что в России всякая идеологизированная политика стала невозможной, но желание что-то изменить еще не угасло. Но менять представляется возможным теперь не с помощью политики, а путем катастрофического уничтожения старого мира, путем оружия, магии, технологии, воспитания и обучения.

*Ключевые слова:* утопия воспитания, полисная этика, героическая этика.

Утопий в современной России мало, практически нет, и сожаления об этом стали ритуальными.

Левых или близких к ним по духу литературных утопий (именно с левым мышлением как правило ассоциируются утопии) почти не появлялось на нашем литературном небосклоне. Левое политическое мышление сейчас обороняется. Его идеалы, как и идеалы правых, унаследованы от прошлого, и большой вопрос: что из сейчас считающегося «левым» действительно заслуживает такого названия, а не является, например, просто последовательным развитием идей либерализма. Сила левой утопии проявляется тогда, когда ей удастся представить нам образ действительно иного мира, в котором человеческие отношения очищены от наносных стремлений к власти, насилию, богатству, потреблению [8, с. 7-10]. Ино-

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований ИФиП УрО РАН №12-Т-6-1002 «Эволюция социально-политических и правовых регуляторов современного общества».

гда отблеск левой, почти коммунистической, утопии обнаруживается в таких произведениях, как например «Ливиец» М. Ахманова [1]. Но поскольку этот отблеск почти никак не соотносится с нашим днем, он не пробуждает тяги к действию по изменению себя и мира у *нашего* современника. И потому не создается того характерного напряжения между сущим и должным, которое и отличает настоящую утопию.

С правыми утопиями дело обстоит сложнее. Есть многочисленная ревизионистско-реваншистская литература «имперского» характера. Ее разновидностью являются книги о «попаданцах» в наше прошлое и меняющих историю. Однако изначально в этой литературе было больше реваншизма, чем утопизма – главной была мечта о том, что Россия наконец выберется из неурядиц и тогда уж всем покажет. Под каким флагом выберется – дело второе. Авторы не особенно задумывались об этом, не пытались изобрести ничего нового, довольствуясь старыми монархическими, советскими или модернизаторскими мифами. Новый мир оказывался на поверку тем же старым, только в нем побеждала Россия.

Попытки создать правую литературную утопию все же не прошли бесследно. Правое мышление в целом больше озабочено вопросами морали, чем левое. Исходный импульс этого мышления в том, что ему доставляет дискомфорт происходящая в реальности «порча нравов». Реагируя на эту порчу, оно выдвигает во главу угла вопросы о связи морали с социальными институтами и практиками. Вопрос о переустройстве общества в нем тесно связан с проблемами воспитания человека, привития ему «правильных» ценностей. Однако над правым мышлением не меньше, чем над левым, довлела привычка связывать эту свою моральную озабоченность непременно с какой-то из привычных идеологий, с упомянутыми монархическими, националистическими, советскими и прочими подобными мифами. Поэтому идейное содержание такого рода литературы быстро исчерпало себя, совпав по сути с официозными идеологическими установками, если таковыми можно назвать эклектическую смесь из атрибутов державности разных эпох российской истории. Но в сухом остатке обнаружился морализаторский импульс, остающийся актуальным для любого мышления, пытающегося не только объяснить, но и изменить мир.

Неудача построения литературных утопий в современной России не была случайной. Причиной ее стало то, что авторы, пытавшиеся сформулировать эти утопии или квазиутопии, занимались этим привычным способом, закладывая в основание какой-то известный идеологический конструкт. Подразумевалось, что такой конструкт будет и теперь устойчивым, как и прежде.

Однако проблема заключается в том, что идеологии и утопии теперь не могут воспроизводиться в прежнем виде. Раньше, в эпоху Модерна, они были симбиозами, в которых собственно политическая программа была в тоже время и этическим дискурсом. Это происходило потому, что идеологии и утопии Модерна являлись продолжениями попыток Просвещения обосновать мораль в условиях секуляризирующегося общества. Поэтому

ставились вопросы о природе человека в связи с природой общества. Из обоснования идеала того или иного общественного устройства, социальных практик и т.д. вытекали представления о том, как человек должен поступать, чтобы продвигаться к воплощению идеала. Средства (мораль) должны были соответствовать цели (социальному идеалу). Таким образом, из политического дискурса органически вытекал дискурс морально-этический, идеологии и утопии служили обоснованием морали, выполняя роль светских религий.

Восторжествовавший либеральный консенсус во второй половине XX в. привел к тому, что социальный идеал, теперь переформулированный как синтез капитализма и общества потребления, демократии и социального государства, казался достигнутым. Идеологии и утопии превратились в прагматичные партийные программы, в которых напряжение между сущим и должным, идеалом и реальностью больше не было актуальным. Программы стали сами по себе, мораль и этика – тоже сами по себе. От политиков требовали скорее индивидуальной честности и моральной устойчивости, чем соответствия между поведением и политическими убеждениями. Так наступил Постмодерн, в котором связь между политическим дискурсом и его моральной подоплекой превратилась в факультатив. Синтез морали и политики, заложенный в основу старых идеологий и утопий, распался. Теперь политические дискурсы сочетаются друг с другом произвольно, что влечет за собой идеологическую эклектику постмодерна. Но эта постмодерновая эклектика бессильна в том плане, что не может предложить человеку связной картины будущего, в которой он был бы заинтересован лично, то есть таких целей, которые вытекали бы из его, человека, эмоциональной и рациональной сферы, морали и нравственности.

Поэтому тем, кто желает нарисовать какой-то аналог прежних утопий, приходится начинать свой труд «с другого конца». Так как идеологии и утопии прежних времен теперь потеряли отношение к человеку, приходится начинать именно с него. Иными словами, появляется потребность в новом синтезе морального и политического дискурсов, в котором моральный дискурс будет первым по значимости. Современные общества страдают от того, что Фукуяма называет утратой социального капитала. Картина нового общества, таким образом, – это образ социума, в котором подобный капитал есть и успешно воспроизводится. Современный реформатор и утопист поэтому должен начинать с этого самого социального капитала, с морали и этики, основы «хорошего общества». Если возможно новое утопическое и идеологическое целеполагание, то теперь оно должно вытекать из этики. Современная утопия поэтому по необходимости должна быть утопией воспитания.

Примеры таких, пока еще немногочисленных, утопий воспитания уже появились. Из них самыми яркими, по нашему мнению, являются утопии Олега Верещагина (прежде всего – цикл «Я иду искать», «Горны империи»), позиция автора также отражена в ряде публицистических про-

изведений, выложенных на его странице в «Самиздате») и Иара Эльтерруса (в первую очередь – цикл «Отзвуки серебряного ветра»).

Картины желанного общественного устройства, описанного в произведениях этих авторов, выглядят едва ли не противоположными. Что общего может иметь Российская империя Верещагина с космическим Орденом Аарн Эльтерруса? На первый взгляд, практически ничего. Первая строится на героических милитарных ценностях, вторая – на эмпатии, всестороннем развитии личности. У Эльтерруса декларируемая система ценностей построена до трансцендентных оснований; у Верещагина – нет. У Эльтерруса – наверху, условно говоря, Бог; у Верещагина – в лучшем случае человечество. У Эльтерруса «другому тоже больно!» и эмпаты не могут убивать без угрозы психологического слома; у Верещагина мальчишки льют кровь врагов, как воду. У Верещагина – скорее языческие верования, у Эльтерруса – похожее на гностическое представление о сложной иерархии трансцендентных планов бытия. У Верещагина – почти пуританские представления о сексуальной морали, у Эльтерруса – полная свобода в этом отношении.

И все же обе эти утопии – одного типа. Это утопии воспитания. Описанные в них общества, можно сказать, «империи добра». Обе утопии не правые и не левые в классическом смысле. Они построены на отращивании к современному миру и хотят чего-то иного, доброго и светлого.

Пути к достижению утопии различны. У Верещагина для ее построения потребовалось почти полностью стереть человечество в третьей мировой войне, о чем он рассказывает в «Горнах империи»: «Несмотря на свой тогдашний возраст Денис уже знал страшную статистику. Во время третьей мировой – за какие-то полгода – погибла треть из стасорокамиллионного населения Российской Федерации. В последующий год погибло еще шестьдесят миллионов, и за следующие четыре года до нового появления Солнца – двадцать миллионов. Был момент, когда все население на территории бывшей РФ составляло едва три миллиона человек.

Впрочем, русским еще повезло... Северная Америка, например, практически начисто вымерла южнее 50-й параллели – континент стал кладбищем почти трехсот миллионов человек. В первый же год полностью обезлюдел почти полуторамиллиардный Китай. Сохранившиеся от тех времен немногочисленные хроники не показывали даже старшекласникам на уроках истории – не из соображений какой-то секретности, а просто в силу их непереносимости...

... Поеживаясь, Денис рассматривал скелеты. Их было непредставимо много...

Тут “витязи” РА расстреливали пленных бандитов и людоедов, смертельно больных, сумасшедших, неполноценных по каким-либо причинам людей. Именно так – приводили и привозили со всего Северо-Запада – и...

... Но благодаря вот таким бойням, в которых погибли десятки тысяч, уцелели сотни людей. Сотни – зато здоровых, нормальных, целеустремленных, которые в противном случае потонули бы в диком потоке больных, сумасшедших, “идейных” преступников.

Уцелели – и дали начало новой цивилизации. Ему, Денису, дали начало» [5].

Надо отметить, что почти полное уничтожение человечества у Верещагина – не просто литературный прием. Верещагин действительно рассматривает такую «очистительную войну» как желательный вариант, который даст шанс России. Так, на своей странице в «самиздате», реагируя на сообщение о детском гей-фестивале в Норвегии, он восклицает:

«Ну была же страна!!! Ну были же ЛЮДИ!!!

Боги, пошлите нам войну, пожар, смерть и болезни – иначе через полвека оставшиеся русские будут таким же сбродом...»

А потом добавляет:

«Эмоционально вышло... Но должен сказать, что я НА САМОМ ДЕЛЕ ТАК СЧИТАЮ. Интересно, предки норвежских детишек, участников этого действия, своими руками передушили бы потомков – или просто прокляли бы? Кстати, не исключено, что уже таки прокляли – иначе подобного просто не произошло бы...» [4].

У Эльтерруса в основе его утопии лежит раскаяние (даже – разочарование во зле) некогда злого могущественного человека, ныне Командора ордена. Он выдергивает из обществ (не только человеческих) и собирает вокруг себя существ чистых, желающих странного, тех, кому просто тяжело жить в жестоком мире в силу своей инаковости. Он стал проповедовать любовь, братство, отказ от жестокости и насилия, а также непричинение боли друг другу и свободу творчества. В ордене нет места обывателям и властолюбцам, есть место лишь таким, которые ничего не хотят для себя.

Важны религиозные верования, которые описаны в отечественных утопиях. Религию, которая всегда присутствует, в утопических произведениях Эльтерруса, описать в двух словах не просто. Собственно, ее нельзя даже назвать религией. Скорее можно вести речь о похожих на гностические представления о сложной иерархии бытия, в которой менее совершенные в духовном и моральном плане существа, а также и целые народы и расы, получают возможность либо духовного и морального роста, либо наоборот. Ясно одно – эти представления гуманистичны, космополитичны и универсальны. О ценностях Аарн можно получить представление из призыва, с которым в «Отзвуках серебряного ветра» они обращаются к своим потенциальным братьям и сестрам:

«Слушайте нас, люди! Это Аарн говорят с вами. К вам мы обращаемся, “странные” и “не такие”, те, кого травят и те, над кем смеются! Мы для вас, “странные”, непохожие на других. Мы зовем вас с нами, мы даем вам надежду, что не все вокруг жаждут только жрать и насиловать друг друга! Мы тоже хотим странного. У вас, сходящие с ума от одиночества, есть братья и сестры, так идите же к нам, стремящиеся к невероятному. Мы ждем и любим вас! Кто хочет познать Свет, Тьму и Звездный Ветер – мы зовем вас с собой, дети бури. Скажите три слова: “Арн ил Аарн” и вас услышат. Но не пытайтесь вы, обычные, притвориться “странными”: ни-

чего у вас не получится. Только жаждущий серебряного ветра звезд больше жизни становится Аарн» [15].

У Верещагина утопия растет, можно сказать, из крови и почвы. У него и боги, если им еще поклоняются, земные, языческие. Мировые религии, с их универсализмом и профетизмом, в мире Верещагина не выжили. Каковы же базовые ценности? Вот клятва пионеров Империи из книги «Горны империи»: «Я, Олег Ветлугин, вступая в ряды пионеров Империи, перед лицом своих товарищей и памятью предков торжественно клянусь и присягаю на честность, верность, храбрость и память. Все, что смогу, – Отечеству! Все, что смогу, – нации! Все, чего не могу, – смогу! Если же я нарушу эту клятву – пусть не останется от меня на земле ничего, кроме позора! Слава России! Слава, слава, слава!» [5].

Советские пионеры боролись за дело коммунистической партии, которое было всемирным, но о верещагинских этого сказать нельзя. Строго говоря, это не пионеры, а скауты с их «будь готов умереть за родину!». Или члены гитлерюгенда.

Таким образом, мы приходим к проблематике ограниченности универсализма героической этики, которая проявляется в отечественных литературных утопиях и ярче всего – в книгах О. Верещагина. Есть ценности-средства и есть ценности-цели. Сбалансированная этическая система содержит ценности обоих видов. Система ценностей, которая лежит в основе утопии Верещагина, содержит только ценности-средства. Честь, верность, храбрость и т.д. – все это хорошо и необходимо для поддержания единства социальной общности. Но возникает вопрос о целях этой общности – и тут их нет. Кроме только одной – дальнейшего поддержания собственного существования. Следование ценностям-средствам возвышает человека над самим собой, поскольку заставляет его служить тому, что его превосходит. У Верещагина, как он сам пишет в «Воспитании воина», «цель жизни – физическое и моральное совершенствование» [3]. Но когда такого рода ценности остаются единственными и для самой социальной общности, они принижают ее до уровня животного, которое тоже озабочено лишь самим своим выживанием. Тут вспоминаются слова Юнга о государствах, чей коллективный разум не превосходит разума крокодила или медведя. Таково по сути и государство Верещагина. Характерен эпизод из «Горнов империи», в котором мальчик-имперец жжет книги из старой библиотеки. Фрейд и все такое же летит в костер, потому что эти книги грязны, учат манипулировать людьми и т.д. Возможно, это так. Но кем они учат манипулировать? Членами вот такого общества-животного, каждый из которых по отдельности может быть высокоморальным. Здесь можно заподозрить, что Верещагин, сжигая руками своих героев эти книги, таким образом расправляется с комплексами бессознательного своей этической утопии.

Но тогда нельзя ли сказать, что картина желаемого общества, нарисованного в произведениях Верещагина – совсем не утопия, поскольку ей не хватает подлинного универсализма ценностей? Вопрос в том, является

ли претензия на универсализм ценностей неотъемлемым признаком утопии. Да, поскольку всякая утопия базируется на определенном представлении о природе человека как такового. Эта природа может быть завязана на трансценденцию, как у Эльтерруса, а может – на общие всем «нормальным людям» героические ценности. Утопия может позиционировать себя как локальная в пространстве, довольствующаяся своим местом под солнцем. Но в сфере ценностей таких ограниченных мест под солнцем нет, поскольку там идет речь об универсальной природе человека. Иначе утопия перестает быть утопией и превращается в идеологию – воззрения определенного класса, расы и т.д. Идеология тоже претендует на всеобщность. Но не всегда и скорее по остаточному принципу, как наследие тех времен, когда (и если) она еще была утопией. Когда идеология у власти, становится уже ясно, к кому она привязана. Об утопии «восходящего класса» (по Маннгейму) такого с определенностью сказать нельзя, поскольку утопистам кажется, что они говорят от имени разума, трансценденции, наконец, правильно понятой природы человека как такового. Универсализм утопии в любом случае ярче выражен.

Поэтому и в верещагинской утопии мы сталкиваемся с определенного рода ценностным универсализмом. Верещагин называет свой набор ценностей «героическим мировоззрением». Этот универсализм, образно выражаясь, киплингский («Но нет Востока и Запада нет... когда сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает»): ценности чести, долга, верности [см. подробнее: 12]. Причем это героическое мировоззрение *сознательно деполитизируется*. Оно одно для всех времен и эпох, для реального и фэнтезийного мира. Верещагин считает, что, например, никакой политикой в толкиеновских книгах не пахнет, что главное в них – добро и зло, долг и отвержение, правда и ложь, верность и измена, рассказ о человеческих чувствах и моральных категориях.

Декларируемые Верещагиным ценности до сих пор исторически объединяли не человечество, а элиты вроде рыцарей и дворян, да и то лишь до определенной степени. Честь, долг, верность – все это хорошо в применении к чему-то «своему» и не мешает резать других, точно так же верных своему. Поэтому в конце XIX – начале XX в. эти «аристократические» ценности были взяты на вооружение национализмом – весь народ в целом стал «частичной» аристократией. Как оказалось в дальнейшем, «героические ценности» отлично сочетаются с самыми разными политическими режимами и сами по себе не гарантируют того, что «наверху» не окажется всякой мерзости. Верещагин, похоже, осознает то, что ограниченность «героических ценностей» мешает провести четкую грань между его утопией и тем, что выглядит как антиутопия.

Вот эпизод из «Воли павших», в котором безусловно положительный герой Верещагина лежит на пыточном столе перед противником-данваном. (Данваны, в сущности, фашисты. Бывший нацист так говорит о них: «Они безумны. И не подвержены болезни завоевателей – пресыщенному старению. Они воюют ради войны и власти. Если бы не

твоя страна, мальчик, моя Германия стала бы такой. И, может быть, сумела бы дать отпор данванам и не пустить их на Землю... вот только остальным народам тогда уже было бы все равно, кто победит – мы или данваны») [2].

Поэтому диалог, в котором по большому счету герою нечего возразить данвану-фашисту, заканчивается так: «У меня есть побратим, – сказал Ротбирт. Он понимал, что близится что-то очень страшное и торопился как можно больше сказать, потому что, может статься, больше этот мир и не услышит его голоса... а еще – еще ему было просто очень страшно. – И есть место в строю и вождь. И я не думаю, что достойно их бросить – правы они или нет. Больше я не буду с тобой говорить, демон. Но ты мне скажи – если так уж велика ваша правота – что за радость твоим собратьям во имя ее мучить беззащитных? Я видел это, данвэ. Видел сам» [2].

Единственное отличие: «мы не мучим беззащитных». К этому остается добавить: мы их сразу убиваем. В «Новой родине» мальчишки с такими ценностями будут тысячами убивать сравнительно беззащитных из-за своей отсталости аборигенов за то, что они осмелились сопротивляться власти Российской империи. (Как их в цикле «Я иду искать» убивают мальчишки-данваны, для которых это тренировка и почти ролевая игра). Империи, которая воспитывает своих граждан в духе бесконечной экспансии, «не подверженных болезни завоевателей – пресыщенному старению». Потому что империя, чтоб жить, должна постоянно расширяться. В конечном счете получается: мы лучше, потому что мы – это мы. Поэтому неудивительно встречающиеся в сети отзывы вроде:

«Книги Верещагина мне нравятся, особенно “Воля павших”, но “Чужая земля” и “Новая родина” написаны откровенно конъюнктурно на новомодную имперско-дворянскую тему. Автор хотел описать высокоморальное общество, а на выходе получил малолетних моральных уродов, таких галактических скинхедов, ведущих колониальную захватническую войну, походя убивая всех, кто действительно защищает свою Родину. После этого все положительное, что есть в этой книге уже не воспринимается. Я бы не стал рекомендовать читать эту книгу не только детям, но и взрослым».

Конечно, находясь в здравом уме и твердой памяти, трудно не согласиться с той очевидностью, которая пронизывает произведения Верещагина. Конечно, лучше воспитывать граждан с самого детства честными, верными, чистыми, преданными своей родине, нежели так, чтобы они этими качествами не обладали. Также безусловно хорошо, если эти граждане будут жить достойно в материальном отношении. Словом, жить «нормальной жизнью». Чтобы не было дикого капитализма, а даже скорее что-то вроде социализма. И, конечно, лучше, если такое сообщество не будет беззащитным перед внешними врагами, и каждый, будто отлитый из стали имперец будет готов умереть за Родину. И чтобы при этом в империи не было никакой человеконенавистнической идеологии, то есть она являлась «империей добра». Такая утопия выглядит довольно привлекательной.



Проблема в том, что для того, чтобы являться империей добра, надо иметь перед собой образ добра. И не обязательно в виде какой-то идеологии, религии, философии. Иначе утопия при всей привлекательности становится неубедительной. В ней добро базируется в сущности на представлениях классической античной этики о том, что такое хорошо, а что такое плохо. Хорошо – соответствовать своей социальной роли, плохо – не соответствовать. Хороший человек – хороший полисный гражданин, достойный соплеменник и т.д. А это – шаг назад в пленительную, но недостижимую архаику. Или достижимую, но с помощью катастрофы.

Гражданин такой утопическо-архаической общности, будучи упрекнут в отсутствии универсализма в его взглядах, может ответить: наплевать мне на него, я живу вот тут, а не в «человечестве» (сообществе разумных рас). Но тогда и его утопия не имеет убедительной силы для других. Ей придется существовать в состоянии в лучшем случае вооруженного нейтралитета или войны. Лучше – войны, ибо война такой утопии нужна постоянно для воспроизводства милитарных героических ценностей, которые собственно это общество и сплачивают. Война – это сито для отбора и упорядочивания такого рода ценностей. «Я искренне убежден, – считает Верещагин, – что своя война должна быть у каждого поколения. Я не имею в виду войну настоящую (хотя и она – не самое худшее, если даже так и принято думать). Каждое поколение, прежде чем занять место отцов, должно пропускаться, как золотоносная порода, через решето-грохот, через трудное, опасное, выматывающее физические и духовные силы дело, в ходе которого все ценности сами встанут по своим местам в подобающем им от природы и с начала веков иерархическом порядке, слова обретут первоначальный смысл, а чувства человека очистятся» [3].

Возвратимся к вопросу о сходстве и различии двух утопий. Сходства больше, чем кажется. Обе утопии радикально вырваны из окружающего мира, поскольку тот ему чужд. Аарн живут на своих превращенных в земной рай планетах и не могут общаться с прочими людьми иначе, чем надевая на себя защиту от их грязных эмоций. И Верещагин говорит: «Вокруг нас – НЕ НАШ мир. Жить в нем мы не сможем. МЫ В НЕМ УЖЕ НЕ ЖИВЕМ» [5].

Обе утопии с окружающим их старым миром не особенно церемонятся, разговаривают с ним с позиции силы там, где только могут и появляется нужда. Аарн ничего не стоит пригрозить уничтожить целую планету за то, что на ней погиб их соотечественник. В более мелких масштабах, Аарн не останавливаются перед насилием, чтобы покарать злых людей, если только они попадают им под руку. (Причем злобные и грязные деяния последних описываются очень часто и натуралистично: в результате жестокость аарн выглядит полностью оправданной. Часто возникает впечатление, что аарн так просто мстят миру, который покинули добровольно в силу невозможности в нем жить). Утопия аарн – это утопия противления злу не только личным примером, но и насилием, нередко насилием надменным, как оно представляется с точки зрения многих. Аарн просто

приходят, берут людей, которые им нужны, наказывают тех, кто им противится, – и с этим ничего не поделаешь, остается только подчиняться. Фраза «я – гражданин Ордена!» звучит не менее гордо и надменно, чем «я – римский гражданин!». Любая из известных супердержав, от Ассирии и Рима до СССР и США в сравнении с Орденом выглядит бледно. Точно так же поступает и Российская империя (или содружество двух земных империй) у Верещагина.

Обе утопии деполитизированы, выведены за пределы существующих идеологических различий. В них можно найти при желании элементы коммунизма, национал-социализма и т.д., но не это в них самое важное. Важнее всего – базовые ценности и воспитание.

Вот тут-то и возникает самый интересный вопрос. Трудно не признать, что у Эльтерруса получилось все так чисто и красиво именно в силу гораздо большего множества фантастических допущений, чем у Верещагина. Это и полубог-Командор во главе Ордена, и эмпатия, и огромное техно-магическое превосходство ордена над окружающими государствами. Сообщество «желающих странного» просто не по зубам почти любому врагу: когда же появляется достойный противник в лице СПД (Союза правого дела), оно эмигрирует в другую вселенную. Верещагинская же утопия изначально формируется во враждебном, сопоставимом по силам окружении. Ей приходится сражаться за себя, и потому воспитание там с раннего детства милитаризованное. Гражданин – в первую очередь воин, всегда готовый встать под ружье. Поскольку никакой эмпатии нет, то и особых переживаний по поводу совершаемого насилия нет, и в утопии процветают героические добродетели.

Но следует заметить, что фактически и утопия Эльтерруса ведет постоянную войну с враждебным ей миром, так или иначе вмешиваясь во внутренние дела других государств, забирая подходящих ей людей. Иными словами, вычеркни из утопии Эльтерруса упомянутые фантастические допущения – и она вмиг либо станет нежизнеспособной, либо превратится в нечто очень похожее на утопию Верещагина.

В итоге в произведениях Олега Верещагина и Иара Эльтерруса мы сталкиваемся с двумя видами дополняющих друг друга и друг с другом пересекающихся утопий воспитания: «утопией ордена» и «утопией полисной этики». Под «утопией ордена» мы, вслед за Е. Шацким, подразумеваем утопию, в которой упор делается «на противостояние окружающему злу самим собой, всем своим существом. Критика дурного общества становится отказом участвовать в этом обществе. Противопоставление идеала и действительности принимает здесь форму противопоставления людей, осуществляющих идеал в своей жизни, всему остальному обществу, которое не хочет или не может принять этот идеал» [14, с. 116]. Под «утопией полисной этики» мы подразумеваем утопию, в которой нарисовано сообщество, объединенное в первую очередь «героическими ценностями», сообщество, в котором господствует «этика добродетели» [11]. В нем «хороший человек» тождествен человеку, который идеально вписывается в данное общество. Об-

щество же это своей главной целью ставит выживание и сохранение своей идентичности. Самый близкий аналог такой утопии – античный полис.

Подобные сочинения не единственные в нашей современной литературе. Так, в качестве примера утопии полисной этики можно привести «Ветер над островами» Андрея Круза [7]. В этой книге тоже описан мир будущего после глобальной катастрофы. Материков крупных не осталось, народ живет на островах, всем негласно заправляет церковь. Она, правда, не очень похожа на известные нам церкви, не лезет людям в душу, но контролирует (сдерживает) технический прогресс и не очень навязчиво занимается воспитанием. Народ живет довольно патриархально, без излишеств, но не совсем уж пуритански. Все честно трудящиеся могут рассчитывать на благосостояние и помощь сограждан в экстренных случаях. Это – в цивилизованных частях мира, разделенного на островные общины, очень похожие на федерации античных полисов, в которых граждане одновременно и воины. В нецивилизованных живут племенами так называемые «негры», которых потихоньку цивилизуют и нередко воюют с ними, потому как они довольно дикие. «Неграми» они называются отчасти из-за татуировок, отчасти из-за того, что их души недостаточно чисты. Надо сказать, Круз последователен: он осознает, что полисная полумилитарная система ценностей и подходит именно полисам или их аналогам. Потому и мир у него спланирован соответствующим образом: одни острова с относительно малочисленным населением.

Утопия с орденой этикой описана в книге Шамиля Идиатуллина «СССРтм» [6]. В ней рассказывается, как при поддержке президента и правительства в сибирской глуши компания с несколько вызывающим названием «СССРтм» («тм» – торговая марка) решает организовать комплекс добывающих и промышленных предприятий, производящих ряд высокотехнологичных продуктов, которые не имеют аналогов мире. Однако это не просто попытка целенаправленного вложения средств в прорывные технологии. Организаторы предприятия мечтают построить что-то вроде «Города Солнца». Для этого они привлекают не чуждых высоких помыслов молодых людей, которым хочется чего-то большего, чем растрчивать жизнь на банальное достижение личного благополучия и не хочется строить отношения с другими по принципу «человек человеку – волк». Этим людям хочется жить «не так, как все», а «по-человечески». Жить «по-человечески» означает для них жить по-советски в идеализированном варианте – с великой целью, работая не только ради денег, творя, относясь к ближним не как к средствам для своего собственного процветания. В течение пяти лет этот проект реализуется, у него (благодаря широкому использованию новейших информационных технологий в воспитании молодого поколения, ориентированного на участие в проекте) появляется множество сторонников за пределами поселка. В радужной перспективе организаторы проекта рассчитывают, что культивируемый ими образ жизни постепенно станет доминирующим в стране и окажет благотворное воздействие на весь мир. К несчастью, враги

«СССР™» слишком сильны, а руководители проекта не очень склонны к компромиссам. В итоге эксперимент прекращается, хотя остаются новейшие производства, информационная сеть «Союза» и сообщество его сторонников [13].

Еще одна утопия воспитания с орденской этикой нарисована в книге Александра Секацкого «Дезертиры с острова сокровищ» [10]. В псевдодокументальном повествовании излагается история того, как в недалеком будущем группа энтузиастов объявляет войну обществу потребления путем организации расширенного воспроизводства различных нестяжательских практик. Освободившиеся от тяги к стяжательству, люди обустривают альтернативный наличному стиль жизни, в котором сами вещи очищены от их товарности, например путем так называемого «подвешивания», когда одни нестяжатели их оставляют в свободном доступе для всех прочих. Движение ширится, организуется в «племена» и постепенно преобразует мир.

Здесь мы должны еще раз подчеркнуть, что в указанных произведениях этика ордена и полиса обычно смыкаются, дополняя друг друга. Обе они противостоят внешнему миру, обе хотят его изменить, обе вступают с ним в борьбу. Причина проста: главная проблема любой утопии воспитания – это проблема воспитания нового человека, *меняющего старый мир*. Усилиями новых людей утопия отвоевывает себе жизненное пространство. Но любая борьба такого рода подразумевает и наличие героических ценностей, и милитарную символику. Утопия сталкивается с внешним миром прежде всего своей «боевой» частью, своими воинскими формированиями, дипломатией, разведкой, как и орденская утопия Эльтерруса. Не случайно у Эльтерруса сравнительно мало картин мирной жизни утопийцев-орденцев, больше рассказов о противостоянии утопии внешнему миру. У Секацкого «племена» нестяжателей имеют своих «бойцов», которые наиболее последовательно и непримиримо ведут настоящую партизанскую войну с обществом потребления. Основатель этого движения Бланк сравнивает своих сторонников с рыцарями. У Идиатуллина «советская» утопия терпит поражение в борьбе; повествование обрывается на временном поражении утопического ордена, но понятно, что если последует вторая попытка, то это будет уже явное противостояние враждебному окружению.

«Утопии ордена» и «утопии полисной этики» несмотря на все различия рисуемых картин желаемых социальных отношений (а точнее – прежде всего *желаемого отношения людей друг к другу*) в настоящее время пока не противостоят друг другу. У них общий враг. В основе этих утопий воспитания находится мощный импульс отвращения от политики и общества потребления в пользу предоставления человеку действительно более широких возможностей в его подлинно человеческой жизни. «Вокруг нас – НЕ НАШ мир. Жить в нем мы не сможем. МЫ В НЕМ УЖЕ НЕ ЖИВЕМ». Эту фразу Верещагина могли бы повторить, да и фактически повторяют на разные лады, все упомянутые авторы.

Описанные нами утопии воспитания, утопии «здорового общества» появились в «нулевые» годы потому, что конкретно в России всякая идеоло-

гизированная политика стала невозможной, а желание что-то изменить еще не угасло. Но менять представляется возможным теперь не с помощью политики, а путем катастрофического уничтожения старого мира, путем оружия, магии, технологии, воспитания и обучения чему-то полезному.

Если утопист – это безумец, который призван навевать «сон золотой», то нельзя не отметить, что такого рода сны сейчас в России достаточно востребованы. Вспомним хотя бы тот сон, который пытался навевать нам Иван Охлобыстин в нашумевшей в свое время «Доктрине-77» [9]. Все элементы этой доктрины мы без труда обнаружим в произведениях рассматриваемых нами авторов. Тут и стремление к чему-то чистому и светлому, и упор на инаковость России и русских, иной образ жизни, и героическо-аристократические ценности, и представление о России как стране, которая призвана спасать мир, но если он окончательно погрязнет во зле – уничтожить его.

Мы слишком долго спали тяжелым сном без сновидений. Теперь, похоже, золотые сны снова начинают сниться нам. И это не может не радовать. Правда, эти сны могут при ближайшем рассмотрении оказаться железными. Но даже и железный сон покажется золотым, если реальность вокруг представляется состоящей из субстанции, которая непригодна для того, чтобы из нее отливали пули.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ахманов М.* Ливиец. М. : ЭКСМО, 2004. 480 с.
2. *Верещагин О.* Воля павших [Электронный ресурс]. URL: <http://fantasy-worlds.org/lib/id8451/read/> (дата обращения: 27.05.2013).
3. *Верещагин О.* Воспитание война [Электронный ресурс]. URL: [http://samlib.ru/w/wereshagin\\_o\\_n/vospitaniye.shtml](http://samlib.ru/w/wereshagin_o_n/vospitaniye.shtml) (дата обращения: 27.05.2013).
4. *Верещагин О.* Всем молчать – говорит Лана!!! [Электронный ресурс]. URL: [http://samlib.ru/w/wereshagin\\_o\\_n/lana.shtml](http://samlib.ru/w/wereshagin_o_n/lana.shtml) (дата обращения: 27.05.2013).
5. *Верещагин О.* Горны империи [Электронный ресурс]. URL: <http://read24.ru/fb2/oleg-vereschagin-gornyi-imperii/> (дата обращения: 27.05.2013).
6. *Идиатуллин Ш.* СССРтм. СПб. : Азбука-классика, 2010. 512 с.
7. *Круз А.* Ветер над островами [Электронный ресурс]. URL: <http://fantasy-worlds.org/lib/id15646/read/> (дата обращения: 27.05.2013).
8. *Мартьянов В.С., Фишман Л.Г.* Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М. : Весь мир, 2010. 256 с.
9. *Охлобыстин И.* Доктрина-77 [Электронный ресурс]. URL: <http://doktrina77.com/doktrina/> (дата обращения: 27.05.2013).
10. *Секацкий А.* Дезертиры с острова сокровищ. СПб. : Амфора, 2006. 382 с.
11. *Фишман Л.Г.* А теперь – добродетель! // *Полития*. 2012. № 2. С. 89-97.
12. *Фишман Л.Г.* Героизм и универсализм // *Науч. ежегодник Ин-та философ. и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук*. 2012. Вып. 12. С. 227-235.
13. *Фишман Л.Г.* «СССРтм» как утопия ордена // *Знамя*. 2010. № 6. С. 212-214.
14. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М. : Прогресс. 1990. 456 с.
15. *Эльтеррус И.* Отзвуки серебряного ветра [Электронный ресурс]. URL: <http://fantasy-worlds.org/lib/id1608/read/> (дата обращения: 27.05.2013).

Материал поступил в редколлегию 04.06.2013 г.

**Leonid G. Fishman**, Doctor of Political Science, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg.  
E-mail: fishman@yandex.ru

### **GOLDEN DREAM AND IRON DREAM: POLITICS AND ETHICS IN MODERN RUSSIAN LITERARY UTOPIAS**

*Abstract:* The article considers several domestic literary utopias, which are characterized primarily as utopia of education. Their political and ethical background are analyzed, varieties are highlighted. It is shown that granting the person more truly human opportunities against powerful impetus of aversion from politics and consumer society lies in the core of utopia of education. However, the author of the article shows moral and ethical vulnerability of a number of utopias of education, which is caused by attempts to apply the criteria of antique civil community ethics (or heroic ethics) to modern societies. Despite well-known universalism of heroic ethics, it is quite limited. On the ideological level, this leads, in particular, to the author's inability to separate clearly his (her) utopia from, for example, fascism. It is concluded that utopia of education, utopia of «healthy society» appeared in Russia in 2000<sup>th</sup> due to the fact that any ideological policy became impossible, but the desire to change something had not completely extinguished. However, now the change seems to be made not by politicians, but through catastrophic destruction of the old world, by means of weapons, magic, technology, education and training.

*Keywords:* utopia of education, ethics, heroic ethics.

*The transliteration of the list of literature  
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below*

#### BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. *Ahmanov M.* Liviec. M. : JeKSMO, 2004. 480 s.
2. *Vereshhagin O.* Volja pavshih [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://fantasy-worlds.org/lib/id8451/read/> (data obrashhenija: 27.05.2013).
3. *Vereshhagin O.* Vospitanie voina [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://samlib.ru/w/wereshagin\\_o\\_n/vospitanije.shtml](http://samlib.ru/w/wereshagin_o_n/vospitanije.shtml) (data obrashhenija: 27.05.2013).
4. *Vereshhagin O.* Vsem molchat' – govorit Lana!!! [Jelektronnyj resurs]. URL: [http://samlib.ru/w/wereshagin\\_o\\_n/lana.shtml](http://samlib.ru/w/wereshagin_o_n/lana.shtml) (data obrashhenija: 27.05.2013).
5. *Vereshhagin O.* Gorny imperii [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://read24.ru/fb2/oleg-vereschagin-gorny-imperii/> (data obrashhenija: 27.05.2013).
6. *Idiatullin Sh.* SSSRtm. SPb. : Azbuka-klassika, 2010. 512 s.
7. *Kruz A.* Veter nad ostrovami [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://fantasy-worlds.org/lib/id15646/read/> (data obrashhenija: 27.05.2013).
8. *Mart'janov V.S., Fishman L.G.* Rossija v poiskah utopij. Ot moral'nogo kollapsa k moral'noj revoljucii. M. : Ves' mir, 2010. 256 s.
9. *Ohlobystin I.* Doktrina-77 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://doktrina77.com/doktrina/> (data obrashhenija: 27.05.2013).
10. *Sekackij A.* Dezertiry s ostrova sokrovishh. SPb. : Amfora, 2006. 382 s.
11. *Fishman L.G.* A teper' – dobrodetel'!! // Politija, 2012. № 2. S. 89-97.
12. *Fishman L.G.* Geroizm i universalizm // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-nija Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 227-235.
13. *Fishman L.G.* «SSSRtm» kak utopija ordena // Znamja. 2010. № 6. S. 212-214.
14. *Shackij E.* Utopija i tradicija. M. : Progress. 1990. 456 s.
15. *Jel'terrus I.* Otvuki serebrjanogo vetra [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://fantasy-worlds.org/lib/id1608/read/> (data obrashhenija: 27.05.2013).